

Ван Линь отвел взгляд, наполненный болью, в сторону, чтобы не смотреть на Ван Пина.

Никто, кроме Ван Линя, не знал истинную причину, почему он не позволяет Ван Пину начать культивировать. Сунь Тай не знал, сам Ван Пин не знает. Полная правда известна только самому Ван Линю. Однако он не мог рассказать все Ван Пину ради него самого. Все это не имело отношения к смерти Лю Мей. Ван Линь в сердцах вздохнул, однако Ван Пин не заметил этого.

Ван Линь вновь обратил свой взгляд к окну и замолк. Ван Пин поступил таким же образом и в повозке наступила тишина, постепенно становящаяся все более гнетущей.

Прошло довольно долго времени, прежде чем Ван Пин повернул свою голову и взглянул искоса на отца. Отец сидел нахмурившись, и на его лице прибавилось морщин. Ван Пин жалостливо и тихо сказал: «Отец, я виноват».

Ван Линь повернулся к сыну и мягко улыбнулся, но ничего не сказал.

Город Цишуй был одним из крупнейших городов в империи на планете Жань Юнь и своим блеском и роскошью уступал лишь столице. Близко протекающая река делала жизнь в городе еще более оживленной.

Повозка въехала в город и остановилась около почтовой станции. Отец и сын сошли с нее, оказавшись в оживленном городе.

Ван Пин никогда прежде не был в таком большом городе. Он жадно смотрел по сторонам, и казалось, от увиденного великолепия позабыл всю свою прежнюю жизнь.

Ван Линь направился в один добротный трактир. Управляющий трактиров поспешил навстречу гостям и провел их в уютный уголок в главном зале возле окна. Ни говоря ни слова, он быстро принес вино и кушанье.

Внешне очень привлекательный, Ван Пин то и дело привлекал взгляды женской половины гостей заведения. К этой ситуации Ван Пин давным-давно привык, живя в деревне. Ван Линь, не притрагиваясь к еде, начал с вина. Выражение лица его выражало спокойствие. Ван Пин тоже не стремился тут же уничтожить принесенную пищу.

«Теперь мы будем жить здесь. Прежде всего нужно купить жилье», - отставив кубок вина, медленно произнес Ван Линь.

Ван Пин кивнул, улыбаясь: «Отец, здесь и в самом деле неплохо. Мы уже вдоволь насмотрелись на горы и реки. Теперь посмотрим город. Здесь у меня появилось чувство, будто бы я снова становлюсь членом общества».

Как только Ван Пин договорил, со стороны соседнего донесся смех. За этим столом сидело три человека. Во-первых, старик грозного вида в роскошном наряде темного цвета. Глаза его были тусклыми, однако выглядел достоинства.

Во-вторых, возле старика сидело еще двое: мужчина и женщина. Мужчина с гордой осанкой и изящными манерами был гораздо красивее среднего человека. На нем была пурпурного цвета одежда с вышивкой из золотых линий. Одежда, казалось, была весьма дорогой.

Женщина же тоже выглядела безумно красивой. На вид ей можно было дать от двадцати лет. Черный волосы ее струились вниз водопадом. Смеявшийся же был мужчина.

«А этот дурачок такой забавный! В первый раз пришел в город Цишуй и выпендривается, что видел какие-то горы и реки!» - смеясь, сказал мужчина сидящей рядом женщине.

Он даже не подумал сказать это шепотом, и Ван Пин услышал все до последней буквы. Ван Пин нахмурился, но ничего не сказал.

Ван Линь же снова схватил кубок и сделал глоток вина, а затем, не скрываясь, начал разглядывать сидящую рядом троицу.

Женщина же нахмурила свои густые черные брови и сказала мужчине: «Тебе смешно?»

Смеясь, мужчина ответил: «Цин И, сестричка, а тебе разве нет?»

В глазах женщины промелькнуло презрение, и она отвернулась. Мужчина хмыкнул в ответ. Он посмеялся на Ван Пином потому, что в тот момент, когда он вошел в трактир, эта равнодушная к нему женщина тут же обратила на Ван Пина свой взор.

Мужчина в своем положении ни за что не пришел бы сюда есть, если бы только не эта женщина. Сейчас, получив отворот-поворот, он вновь пристально уставился на Ван Пина.

«Такая внешность! Если бы ты был женщиной, ты был бы настоящей красавицей. Жаль, что ты мужчина. Но даже так ты вполне можешь стать шлюхой», - новая провокация прозвучала из уст мужчины.

Ван Пин отложил в сторону столовые приборы и повернулся к нему и медленно проговорил: «Красивая внешность к лицу только человеку. Но не такой скотине, как ты!»

Мужчина сразу резко помрачнел, но ничего не сказал. Вместо этого сидящий рядом с ним старик нахмурился и проговорил: «Как таких невоспитанных людей пускают в это заведение? Я помогу твоим старшим правильно воспитать тебя!» Старик бросил вперед палочки для еды, и они словно две молнии понесли в Ван Пина. Если они на все скорости вонзятся в Ван Пина, то он на всю жизнь останется калекой.

В момент броска женщина вскочила со стула и попыталась поймать брошенные столовые приборы.

Однако в следующий миг палочки в один миг потеряли заложенную в них силу и скорость и медленно опустились на стол возле Ван Пина. Ван Линь холодно сверкнул глазами и, отставив в сторону кубок с вином, мрачно уставился на старика.

Старик задрожал, и голове у него будто вспыхнуло множество молний: взгляд этого незнакомца был таким пронзительным. Ван Линь будто бы смотрел ему прямо в душу, выворачивая ее наружу и разрушая Золотой Дань.

Старик застыл, и казалось, будто бы огромная молния пронзила его тело, руки его затряслись, и старик потерял над своими конечностями контроль.

«Это же...» - подумал старик, и волосы на его голове встали дыбом, а лоб пронзило чудовищной болью.

Сердце гулко застучало в стариковской груди, и звуки его ударов эхом разнеслись по округе. Казалось, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Старик сидел, будто парализованный. Все его величие рассыпалось буквально в один момент!

Кровь струйкой ударила изо рта старика. Кровь была с золотым оттенком: золотой Дань старика дал трещину, и золотая ци вошла в его кровь, смешавшись с ней.

Старик был монахом, монахом уровня Цзи Дань. Мужчина в пурпурной одежде находился на уровне очищения Ци, а женщина – еще не достигла Чжу Цзи.

Раз уж этот монах так легко и без сомнений решил искалечить обычного человека, Ван Линь решил его не жалеть. Кроме того, этим простым человеком был его собственный сын.

«Ты...» - начал было старик, но затем стул под ним рассыпался в древесную пыль, и монах шлепнулся наземь. Лицо его побледнело, он быстро достал из сумки чудодейственную пилюлю и проглотил ее. А затем вытащил нефритовую табличку для передачи сообщений и раскрошил ее.

В трактире наступила тишина. Все гости были в недоумении. Один особо смекалистый товарищ попросил счет, поспешно расплатился и быстро ушел.

Мужчина в пурпурной одежде находился в недоумении. Теперь он больше не смотрел на старика. Взгляд его стал чрезвычайно мрачным, и он пристально уставился на Ван Линя и Ван Пина.

Его спутница тоже переменилась в лице. Она отупело смотрела на отца и сына. Они и не подозревали, что с ними может произойти такая перемена!

«Не смей поучать моего сына!» - сказав это, Ван Линь отвел взгляд в сторону, а затем вновь схватил кубок с вином и отпил.